

На правах рукописи

Эльбикова Бальзира Вячеславовна

Калмыцкие сказки «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав»: жанровая специфика, композиционные и поэтико-стилевые особенности»

10.01.09 – Фольклористика

Автореферат

диссертации на соискание

ученой степени кандидата филологических наук

Москва – 2019

Работа выполнена на кафедре фольклора и социально-культурной деятельности
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени
Б. Б. Городовикова»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
Хабунова Евдокия Эрендженовна

Официальные оппоненты: **Хусаинова Гульнур Равиловна**,
доктор филологических наук, зав. отделом
фольклористики
ФГБНУ УФИЦ РАН

Добровольская Варвара Евгеньевна,
кандидат филологических наук, зав.
сектором нематериального культурного
наследия ФГБУК ГРДНТ им.
В. Д. Поленова

Ведущая организация: ФГБУН ИМБТ СО РАН

Защита состоится 27 ноября 2019 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д.002.209.04 на базе ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького» Российской академии наук по адресу: 121068, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького» Российской академии наук по адресу: 121068, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а и на официальном сайте института http://imli.ru/images/Diss_2019_elbikova/disser.pdf

Автореферат диссертации разослан «___» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т. В. Говенько

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Сказка является одним из важнейших жанров калмыцкого фольклора. Истоки ее возникновения уходят в глубокую древность и тесно связаны с историей и культурой народов Центральной Азии. Развиваясь на фоне богатейших устных и письменных традиций, в условиях активных контактов ее носителей (ойратов, впоследствии калмыков) с соседствующими народами на протяжении многих столетий, калмыцкая народная сказка обрела свои жанровые формы, свою этническую специфику, наполнилась содержанием, отражающим мировоззрение, культуру, историю, быт, обычаи калмыков.

Взаимодействие калмыков (ойратов) с другими народами носило различный характер, что формировало степень взаимовлияния народных традиций. Наиболее интенсивным оказалось проникновение в калмыцкую среду письменных и устных традиций, связанных с распространением буддизма среди монгольских народов.

С конца XVII в. до начала XIX в. в калмыцкую степь, наряду с религиозной индо-тибетской и монгольской литературой, начали проникать и произведения светской литературы, в том числе и повествовательные сборники в жанре «обрамленной повести» («Арджи-Бурджи», «Волшебный мертвец», «Сказки попугая», «Панчатантра»), которые адаптировались в фольклоре калмыков в виде сказок.

Влияние «обрамленных повестей» на калмыцкий сказочный фольклор было отмечено многими исследователями (М. Э. Джимгиров, 1962; Л. Леринц, 1967; Е. Д. Мучкинова, 1984; А. Д. Цендина, 1984; В. Т. Сарангов, 1990, 2015; Т. Г. Борджанова, 2002; Б. Б. Горяева, 2011; И. С. Надбитова, 2011 и др.), но характер заимствований и степень проникновения «обрамления» в повествовательную ткань калмыцких сказок до сих пор остается малоизученной областью калмыцкой фольклористики, что актуализирует необходимость выявления и изучения этих элементов «обрамления».

Представляется актуальным определить степень оригинальности калмыцких сказок, бытовавших в «обрамлении», проследить характер литературно-фольклорных взаимосвязей, рассмотреть интенсивность миграции сюжетов из одной культурно-языковой среды в другую, определить степень адаптации заимствованных «обрамленных» сюжетов в калмыцкой устной традиции и т.д.

Выявление базовых «этнопоэтических констант» калмыцкой народной сказки в их текстовом воплощении дает возможность увидеть особенности стилистической выразительности и разнообразия сказок, определяет перспективу дальнейших исследований в области изучения типологии фольклора. Немаловажно, что в условиях глобализации возникает необходимость актуализации общечеловеческих ценностей, воплощенных в сказочных сюжетах, мотивах и образах и мигрировавших из одной народной традиции в другую, тем самым подтверждая свою универсальность.

Основной целью настоящего исследования является изучение характера адаптации элементов «обрамленных повестей» в калмыцкой сказочной традиции, определение степени оригинальности калмыцких сказок цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав», заключенных в рамочную композицию, заимствованных из индо-тибетской, монгольской письменной литературы, в частности из сборника «Сиддиту күр» / «Волшебный мертвец», являвшегося популярным в калмыцкой (ойратской) среде в период активного распространения буддизма.

Для реализации поставленной цели ставятся следующие **задачи**:

- осветить историографию вопроса в контексте современного состояния исследований данного жанра;
- изучить особенности жанра «обрамленной повести» и характер его влияния на калмыцкий сказочный фольклор;
- проанализировать сюжеты и жанровую специфику калмыцких сказок, заключенных в рамочную композицию;

- определить творческую индивидуальность сказителя М. Буринова, заимствовавшего элементы «обрамленных повестей» для художественного воплощения своего сказочного репертуара;
- выявить на основе сравнительно-типологического анализа общие черты и различия «обрамленных» сюжетов калмыцких сказок и письменного памятника «Сиддиту күр» / «Волшебный мертвец»;
- проследить способы организации сказочного сюжета и его поэтико-стилевых слагаемых;
- выявить и изучить типизированные явления исследуемых сказок в их текстовом воплощении;
- рассмотреть «этнопоэтические константы», отражающие древние представления, кочевой быт и этнические особенности калмыков и т.д.

Объект исследования – цикл «обрамленных» калмыцких сказок, записанных в 1958–1959 гг. у сказителя М. Буринова и опубликованных в 1960 г. под названием «Седклин күр». В данной работе используется название «Седклин арвн хойр бөлг», под которым были записаны исследуемые сказки, переведенное нами как «Запомнившиеся двенадцать глав».

Предмет исследования – жанровая специфика, композиционные и поэтико-стилевые особенности калмыцких сказок цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» и других привлекаемых для сравнительного анализа сказок, а также константные повествовательные единицы.

Основным материалом для исследования послужили тексты сказок цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» сказителя М. Буринова. Для сравнительного изучения привлекаются сказочные тексты других калмыцких сказителей: «Ууштин шүтэн» / «Сказки величавого Ууштин шүтэна» Н. Кутуктаевой (2016), «Һахан толһа белгч» / «Знахарь со свиной головой» К. Бадмаева (1972), «Седкүр бурхни тууж» / «История о бурхане Седкюре» С. Бутаева (2008), «Хөөчин күр түүк» / «Сказания чабана» Х. Б. Сян-Белгина (1978), калмыцкие народные сказки, опубликованные в изданиях разных лет (1961; 1968; 1972; 1974; 1979; 1994), а также монголо-ойратские сказки

сборника «Волшебный мертвец» («Сиддиту күр» на русском языке в переводе Б. Я. Владимирцова) и сборник «Үксн цогцин хувлһән» / «Перерождение мертвеца» (текст «Волшебного мертвеца», переведенный с русского языка на калмыцкий Э. Г. Манджиевым). В отдельных случаях в диссертационном исследовании использовались доступные автору переводы памятников тибетской, монгольской и древнеиндийской литератур, тексты бурятских, монгольских сказок.

Теоретико-методологическая база. Неоспоримо весомый вклад в исследование литературно-фольклорных, межкультурных взаимосвязей внесли фундаментальные труды российских и зарубежных ученых (Н. П. Андреева (1929); А. Н. Веселовского (1940), А. Лорда (1960), П. А. Гринцера (1963), Д. С. Лихачева (1971), Н. Рошияну (1974), Б. Н. Путилова (1976), А. И. Алиевой (1986), В. М. Гацака (1989), Е. М. Мелетинского (1990), В. Я. Проппа (2000), В. Е. Добровольской (2009), С. Ю. Неклюдова (2015) и др.), изучение которых формирует теоретическую базу исследований в области филологической науки, к числу которых относится и данная работа. Методологической базой настоящего исследования также стали труды монголоведов (К. Ф. Голстунского (1864); Г. Рамстедта (1909, 1919); Б. Я. Владимирцова (1958); Г. Кара (1959); Л. Леринца (1967); М. Э. Джимгирова (1970); А. Ш. Кичикова (1976); Ц. Дамдинсурэна (1981); А. Д. Цендиной (1984); Т. Г. Борджановой (2002); А. С. Донгак (2004); Е. Э. Хабуновой (2007); В. Т. Сарангова (2015) и др.)

Основными методами исследования стали сравнительно-исторический и сравнительно-типологический методы, с помощью которых был решен ряд вопросов, связанных с процессом влияния письменной монгольской, индо-тибетской литератур на развитие калмыцкой сказочной традиции, на формирование сказительского репертуара, выявление и изучение однотипных явлений сказочного повествования. В ходе исследования использовались элементы структурно-семантического, статистического и описательного методов и другие традиционные для мирового литературоведения подходы, позволяющие охарактеризовать отличительные особенности калмыцкого сказочного фольклора с учетом языка, истории, культуры, народных традиций и религиозных верований

калмыков. В ходе сбора экспедиционного материала применялись современные методы полевого исследования, включающие разные виды опроса информантов и фиксации, необходимые для сбора сведений (разработка опросника, анкетирование, беседа, интервьюирование, дистанционная коммуникация).

При выявлении типизированных явлений сказок цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» и изучении поэтико-стилевых сегментов в их текстовом воплощении мы опирались на теорию «этнопоэтических констант» В. М. Гацака¹.

Степень изученности темы. Термин «обрамленная повесть» впервые был использован индологом П. А. Гринцером для обозначения специфичной композиционной структуры древнеиндийских повествовательных произведений («Панчатантра», «Веталапанчавиншати», «Викрамачарита», «Шукасаптати». Влияние индо-тибетских буддийских «обрамленных повестей» на «фольклор иных народов» одними из первых отметили Ц. Дамдинсурэн и С. Д. Серебряный. «Обрамленные повести» в числе других новеллистических произведений монгольской литературы в контексте индо-тибетской повествовательной традиции были исследованы А. Д. Цендиной.

Исследователи калмыцкого сказочного фольклора (И. И. Кравченко (1940); М. Э. Джимгиров (1970); Е. Д. Мучкинова (1972, 1984); В. Т. Сарангов (1989, 2015) Т. Г. Борджанова (2002); Б. Б. Горяева (2009); И. С. Надбитова (2011) и др.) обращались к данному вопросу в контексте изучения различных проблем (сюжетный состав, классификация, жанровые и поэтические особенности) в их научных трудах.

Научная новизна. Калмыцкие сказки «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» М. Буринова, заключенные в «рамочную»

¹ Гацак В. М. Восточно-романский героический эпос: Исследование и тексты. – М.: Наука, 1967. Гацак В. М. Северные этнопоэтические константы. [Электронный ресурс] / В. М. Гацак // Народная культура Русского Севера. Живая традиция: Матер. респ. школы-семинара (10–13 ноября 1998 г.) / Отв. ред. Н. В. Дранникова, Ю. А. Новиков. – Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 2000. – Вып. 2. – С. 7–10. Гацак В. М. Фольклор – память традиции: (Уровни и формы этнопоэтической константности) // Вестник Дагестан. науч. центра РАН. – 2000. – № 8. – С. 94–103.

композицию и имевшие сюжетные аналогии с «обрамленными повестями», в частности сборник «Сиддиту күр» / «Волшебный мертвец», впервые рассматриваются с точки зрения оригинальности и самостоятельности калмыцких сказочных сюжетов. Новизной отличается анализ сказочного набора формул и мотивов, выделяющихся константностью в сказках цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» и других калмыцких сказках и отражающих этническую специфику сказочного фольклора калмыков и индивидуальных особенностей творчества сказителя М. Буринова. Поэтико-стилевые сегменты сказочного повествования исследуются с позиций теории «этнопоэтических констант» В. М. Гацака. В таком аспекте данная проблема рассматривается впервые.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что основные выводы и отдельные положения могут быть использованы в дальнейших исследованиях в области сравнительного изучения сказочного фольклора монгольских народов, в теоретико-методологических разработках, направленных на изучение характера взаимодействия устных и письменных традиций. Отдельные наблюдения, обобщения и фактологический материал, содержащиеся в исследовании, могут стать серьезным подспорьем для расширения аналитического поля региональной (калмыцкой) фольклористики. Материалы, представленные в работе, могут пополнить сведения, важные для решения научных проблем в области фольклористики, литературоведения, лингвистики, культурологии и других смежных дисциплин. Результаты исследования могут найти применение при составлении научно-методических и учебных пособий, при разработке лекционных и специальных курсов для студентов гуманитарного профиля.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Индо-тибетская и монгольская литература, активно распространявшаяся с конца XVII в. до начала XIX вв. в калмыцкой среде в письменной (на ойратской письменности *тодо бичиг*) и устной формах, сыграла определенную роль в развитии калмыцкого сказочного фольклора.

2. Влияние переводной индо-тибетской литературы нашло отражение в заимствовании калмыцкими сказителями композиционной «рамки» «обрамленных повестей» («Арджи-Бурджи», «Волшебный мертвец», «Сказки попугая», «Панчатантра»), объединяющей исконно калмыцкие сказочные сюжеты в репертуарные циклы.

3. Сказки цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» калмыцкого сказителя М. Буринова являются свидетельством успешной адаптации композиционной формы «обрамленных повестей» в калмыцкой сказочной традиции, развивавшейся в совершенно других условиях жизни, быта, при иных социально-исторических обстоятельствах, чем те, в каких складывались древнеиндийские и тибетские литературные сочинения.

4. Только *пролог* и один сюжет из цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» обнаруживают сходство со сказками из сборника «Сиддиту күр» / «Волшебный мертвец» в той степени, чтобы обнаружить его соответствие в общепринятой классификации сказочных сюжетов, обозначенных в международных указателях сказочных сюжетов как «бегство от ведьмы» (СУС 313Н*; А*313 I) с различными контаминациями сюжетов «чудесные дети» (АА 707), «подменная жена» (СУС 403; АА 403 А, В), с характерными для него мотивами: избавление от пасынка, мнимая болезнь, чудесное спасение, женитьба, отмщение и т.д.

5. Характер реализации сходных мотивов имеет свои особенности, обусловленные спецификой жанра, его принадлежностью к устной или письменной традиции, условиями бытования и сказительским мастерством его хранителя, рассказчика, что находит отражение в текстовой реализации сказочного повествования.

6. Этническая специфика и художественное своеобразие сказок цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» нашли свое воплощение в реализации сюжетов, мотивов и типизированных фрагментов, рассмотренных нами как «этнопоэтические константы» (термин В. М. Гацака). Они определяют конфигурацию сказочного сюжета, поскольку их

местоположение в сюжетной структуре бывает фиксированным (инициальным, медиальным и финальным), составляют основной формульно-мотивный фонд национальной, локальной, сказительской традиций.

7. Сюжетная канва отдельного сказочного нарратива («бегство от мачехи-ведьмы»), встречающегося во всех рассмотренных источниках, оказалась настолько устойчивой, что при переводе его на европейские языки авторам удалось передать основной смысл, особенности главных героев и их поступков. Вместе с тем следует отметить, что в переводных текстах не получили полного и выразительного текстового воплощения отдельные формулы, устойчивые выражения и слова, передающие образность языка калмыцкой (ойратской) сказки, особенности художественного мышления калмыков, специфику их кочевого быта, мировосприятие и неистощимую фантазию номадов. Переводной текст часто сопровождается пояснениями, в отдельных случаях этнографическая лексика, отражающая кочевой образ жизни калмыков, дается в описательной форме.

Апробация исследования. Основные положения и результаты исследования обсуждены на заседаниях кафедры фольклора и социально-культурной деятельности, Международного научного центра «Культурное наследие монгольских народов» Калмыцкого государственного университета, апробированы в научных статьях и докладах на международных и региональных научных мероприятиях: Региональной научной конференции «Научное наследие профессора А. Ш. Кичикова и актуальные проблемы современной калмыцкой филологии и культуры» (Элиста, 2011); I Республиканском фестивале науки (Элиста, 2012); III Международной научной конференции «Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве» (Нальчик, 2013); Ежегодной научной сессии ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения» (Санкт-Петербург, 2014); Международной научной конференции «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации-5» (Майкоп, 2016); круглом столе «Сказитель – носитель, хранитель и популяризатор эпического наследия» (Элиста, 2017); I Международной научной конференции «Сетевое востоковедение: образование,

наука, культура» (Элиста, 2017); II Международной научной конференции «Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия» (Элиста, 2018); Всероссийской научно-практической конференции «Героический эпос и сказительское искусство народов Евразии: сохранение, изучение и популяризация» (Горно-Алтайск, 2019); International Conference «Mongolian Buddhism: Tradition and Innovation» (Будапешт, 2019).

Публикации по теме диссертации. По теме диссертации опубликовано 17 научных статей, в том числе 5 статей в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования результатов диссертационного исследования.

Объем и структура диссертации. Диссертация изложена на 193 страницах, состоит из введения, 3 глав исследования, заключения, списка литературы, включающего 210 отечественных и 18 иностранных публикаций, содержит 7 таблиц и 4 приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее изученности, определяется объект и предмет исследования, формируются цели и задачи работы, указывается материал исследования и методы его анализа, излагаются методологические основы диссертации, теоретическая и практическая значимость работы, раскрывается научная новизна.

В **первой главе** рассматривается история изучения предмета исследования, дается обзор современного состояния проблемы изучения калмыцкого сказочного фольклора. В контексте освещения историографии особое внимание уделяется основным периодам истории записи, публикации и изучения калмыцких сказок и монографическим исследованиям, в которых затрагивается

проблема проникновения элементов письменной литературы в калмыцкую устную традицию.

Дается краткий экскурс в историю изучения калмыцкого сказочного фольклора, начиная с первых экспедиций под руководством П. С. Палласа и И. И. Лепехина (XVIII в.) и заканчивая современными исследованиями в данной области, что позволило выделить следующие важные вехи в данной истории:

1. Вторая половина XIX – начало XX в. связаны с активизацией собирательской работы русских и зарубежных ученых, что создало предпосылки для формирования и развития калмыцкого сказковедения.
2. Начало XX – середина XX в. ознаменованы вовлечением в процесс собирания, издания образцов калмыцкого сказочного фольклора молодой калмыцкой интеллигенции: учителей, студентов, писателей и поэтов, появлением первых научных трудов и сборников фольклорных текстов.
3. В 60-е–70-е годы XX в. создаются специальные научные структуры, направленные на изучение калмыцких сказок, на поиски и фиксацию фольклорного материала, выявление знатоков калмыцкого сказочного фольклора. Этот период ознаменован первой фиксацией у сказителя М. Буринова калмыцких сказок цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав», объединенных «рамочной» композицией и изданных под названием «Седклин күр».
4. С конца XX – начала XXI в. стало возможным проведение полевых исследований в регионах компактного проживания ойратов зарубежья – сородичей российских калмыков, что дало новый импульс развитию калмыцкой фольклористики и получению доступа к научной литературе и текстам фольклорных произведений на ойратской письменности *тодо бичиг*.

Рассматривается история записи, публикации и изучения калмыцких народных сказок «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав», записанных у сказителя М. Буринова. Издание сказок М. Буринова «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» стало заметным событием в

калмыцкой фольклористике и явилось первым письменно документированным свидетельством успешной адаптации композиционной формы «обрамленных повестей» в калмыцкой сказочной традиции. История записи, публикации и изучения сказок «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» представляется отражением длительного процесса развития калмыцкой фольклористики.

Особое внимание уделяется сказочному репертуару сказителя М. Буринова в записи 1958–1959 гг., который включает сказки, опубликованные отдельным сборником «Седклин күр», но в рукописи именуемые «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав», являющиеся ярким образцом художественного воплощения заимствованного «обрамления» в калмыцкой сказочной традиции.

В ходе изучения творчества М. Буринова, полевых исследований удалось обнаружить новые биографические данные, раскрывающие секреты его сказительского мастерства, масштабы его знаний, усвоенных при различных жизненных обстоятельствах. Обладая феноменальной памятью, он выучил несколько языков, хранил в памяти множество калмыцких сказок, легенд, преданий, народных песен, знал секреты народной медицины, приемы акупунктуры, мог вылечить многие болезни, хорошо залечивал раны, используя мази и примочки, приготовленные собственноручно, знал тонкости военного искусства.

Новые биографические сведения о М. Буринове, вводимые нами в научный оборот, значительно пополняют базу данных, важных для изучения ряда вопросов: особенности сказительского искусства калмыков, условия формирования репертуара сказителей, ареал бытования сказочной традиции и т.д.

Во **второй главе** исследуется характер и степень адаптации традиции «обрамления» в калмыцком сказочном фольклоре на основе анализа сказок «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» М. Буринова. Под «обрамлением» имеется ввиду «рамочная» конструкция, включающая *пролог*,

представленный в цикле в виде самостоятельного сюжета, вводные и финальные формулы к различным сказочным сюжетам.

Сравнительному анализу подвергаются различные варианты «обрамления», выявленные в репертуарах калмыцких сказителей М. Буринова, Н. Кутуктаевой, К. Бадмаева, С. Бутаева. Прослеживается адаптация заимствованных элементов «обрамленных повестей» в сказочном репертуаре М. Буринова, отмечается влияние сказок «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» на дальнейшее продвижение традиции «обрамления» в калмыцкую сказочную среду. Для выявления степени продуктивности «обрамления» в калмыцкой сказочной традиции исследованные варианты прологов были соотнесены с содержанием *пролога* письменного памятника «Сиддиту күр» / «Волшебный мертвец» (в переводе Б. Я. Владимирцова).

Рассмотрено, как «обрамление» в виде *пролога* и формул (начальных и финальных) проявляет себя во всех указанных источниках. Сходство разных вариантов пролога, обнаруженное в сказках калмыцких сказителей и в письменном памятнике «Сиддиту күр» / «Волшебный мертвец» (в переводе Б. Я. Владимирцова) выражается в следующем:

- обучении волшебству (отправляется один из братьев);
- нарушении запрета «не продавать коня», который влечет за собой преследование коня (юноши), чтобы убить его;
- череде превращений (юноша – конь – рыба – птица – бусинка четок – черви (зерна) – человек; преследователь – щука – коршун – куры);
- уничтожении преследователя;
- отправлении в дорогу за тем, кто поможет избавиться от греха;
- наставлении хранить молчание на обратном пути.

Сравнительный анализ пролога М. Буринова с другими вариантами показал незначительные разночтения, выраженные в описании внешности человека, в изображении череды превращений в вариантах *пролога*, например: в варианте цикла сказок «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» гончая превращается в хромую желтую курицу с семью цыплятами, а в варианте

С. Бутаева повествуется о курице с сорока девятью цыплятами, в прологе К. Бадмаева – волшебник превращается в семь кур. Финальная часть рассмотренных вариантов пролога содержит незначительные расхождения, отличающие их от письменного памятника «Волшебный мертвец» в переводе Б. Я. Владимирцова, где дается подробное описание пути.

Анализ подводит к обобщению, что сказитель М. Буринов более детально передает процесс уничтожения вредителей, а именно: убил, сжег, золу развеял по ветру. В других вариантах пролога данное действие описывается упрощенно (перерезал горло, убил семь кур, одним ударом убил).

На основании сравнительного анализа калмыцких сказок, «обрамленных» в «рамочную» композицию М. Буриновым и другими знатоками калмыцких народных сказок (Н. Кутуктаевой, К. Бадмаевым, С. Бутаевым, Х. Сян-Белгиным), а также сказок сборника «Сиддиту күр» / «Волшебный мертвец», послуживших объектом заимствования, нам удалось выявить, что в калмыцком сказочном фольклоре формы «обрамленной повести» сохранились в виде пролога, состоящего из определенного сюжета и инициальных, финальных формул. Основные конструктивные элементы сюжета шести вариантов пролога совпадают, а незначительные разночтения лишь подтверждают вариативные качества фольклорного произведения. Основная идея всех изученных нами вариантов пролога – искупить содеянный грех.

Анализ всех вариантов дает основание заключить, что «обрамление» как композиционная форма адаптировалось в калмыцкой устной традиции настолько органично, что, объединяя исконно калмыцкие сюжеты, оно стало способствовать формированию сказочных циклов.

Обзор сюжетного содержания сказок цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» М. Буринова и «Сиддиту күр» / «Волшебный мертвец» показал наличие сходства лишь одного сюжета «бегство от ведьмы». Не получил должного развития в обоих рассматриваемых сюжетах («Аю Чикте и мудрая Авха») мотив женитьбы. Отсутствие элемента «трудные задачи» в исследуемом нарративе свело до минимума текстовое воплощение мотива

женитьбы. Нахождение сказочного героя в ином мире сопровождается трудностями и препятствиями, преодоление которых можно рассматривать как проверку юноши на зрелость, что свойственно инициальным обрядам, сопровождающим переход человека из одной возрастной категории в другую, из одного статуса в другой. Пограничная позиция основана на противопоставлении своего и чужого, жизни и смерти. Константностью в цикле сказок «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» М. Буринова отличается мотив превращений – один из распространенных приемов сюжетосложения в калмыцкой сказочной традиции.

В третьей главе изучены этническая специфика и художественное своеобразие сказок цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав», нашедшие свое текстовое воплощение в типизированных фрагментах, рассмотренных нами как «этнопоэтические константы» (термин В. М. Гацака). Выявленные константные сегменты помогли разрешить вопрос о жанровой принадлежности сказочного нарратива. Так, три сказки рассматриваемого цикла отнесены нами к волшебным («Бамб болн күлг» / «Бамба и конь Сарал», «Аю Чикт болн Авха цецен» / «Аю Чикте и мудрая Авха», «Байн Бат баатр Бадм көвүн» / «Богатырь Байн Бат и Бадма», «Улада Мергн» / «Улада Мерген»).

Создавая художественно-содержательную основу сказочного нарратива эти типизированные места определяют и его конфигурацию, поскольку их местоположение в сюжетной структуре бывает фиксированным (инициальным, медиальным и финальным). Эти устойчивые художественно-стилевые слагаемые сказочного повествования составляют основной формульно-мотивный фонд национальной, локальной, сказительской традиций.

Состав константных сегментов, обнаруженный нами в волшебных сказках цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав», отличается многообразием и передает характер изображаемых событий, сказочных героев, предметов, явлений, богатство поэтико-стилевых средств сказителя М. Буринова. К примеру, «этнопоэтические константы», характеризующие родителей главного

героя, точнее, их возраст и социальный статус, чаще всего встречаются в зачине калмыцкой сказки и дополняют характеристику героя, проливая свет на его чудесное рождение. Устойчивость «этнопоэтической константы» проявляется на уровне словосочетаний, скрепленных в «пучок» опорным словом, указывающих на непродуктивный возраст родителей и их материальное положение: «эмгн» (старуха), «өвгн» (старик), «угатя» (бедный):

Гурвн көвүтә угатя эмгн өвгн хойр бәәж / Жили **бедные старик со старухой** и было у них три сына;

Туһлч йовсн көгшин эмгнд көвүнъ болж орж өгв / Прибился к **старушке-пастушке** и стал ей сыном;

Угатя нег күүктә өвгн эмгн хойр бәәж / Жили **бедные старик со старухой** с единственной дочерью.

«Этнопоэтические константы», выявленные в сказках «Дамбин Улан баатр и Давшурин хурдн хар» / «Богатырь Дамбин Улан и его конь Давшурин Хурдун Хара» и «Эрин Сэн Сөнэкэ» / «Эрин Сян Сеняка» цикла сказок «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав», демонстрируют традиционный состав формул, характерный для калмыцких богатырских сказок. Константность присуща тем сегментам, которые указывают на героические качества, исполинскую силу, исключительные способности богатыря и его стремление к реализации своего героического предназначения. В тексте исследуемых сказок постоянством отличается формула «физическая незрелость», демонстрирующая однотипность предварительной недооценки юного героя:

Махнчн махшад уга, ээжиннь алтн уург сәәнәр көксн угалмч / **Мышцы твои еще не окрепли**, не напился еще вдоволь золотистого материнского молока;

Махнчн махшад уга, ода чигн бичкнч / **Мышцы твои еще не окрепли**, ты еще мал;

Махнчн махшад уга, наснчн ода чигн бичкн / **Мышцы твои еще не окрепли**, да и возрастом ты еще юн;

Би махм махшад угав, шөлм шөлшэд угав, би йирдэн чадш угав, – *гиж көвүн келнэ* / **Мышцы мои еще не окрепли**, кровь моя еще не загустела, я не справлюсь, – сказал юноша.

Анализ бытовых сказок цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» показал, что константными для сюжета сказок данного типа являются диалоги, выстроенные в форме вопросов-задач и остроумных ответов. Меткие изречения вкладываются в уста положительных персонажей сказки, каковыми являются обычные люди: бедный, но ловкий и сметливый юноша, мудрая и рассудительная девушка.

Повторяющиеся в сказке константные фрагменты повествования помогают высветить полярность положительных и отрицательных качеств человека, добродетелей и пороков. В рассмотренных бытовых сказках противопоставляются ум, ловкость, прозорливость и глупость, непутевость, недогадливость. Объектом осмеяния становится жадный, тупой, лживый и ленивый человек.

Константность присуща и описаниям этнографического характера, передающим национальный колорит изображаемых в сказках событий, картин. Единообразие проявляется при описании нелепых ситуаций, при характеристике поступков героев сказки. Формульные выражения, встречающиеся в сказочном сюжете, носят дидактический оттенок, они указывают на плачевные последствия неосмотрительных действий, необдуманных слов сказочных персонажей.

Сказки цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» М. Буринова изобилуют константными фрагментами, вербализованными в рамках традиции «изображаемого фольклорного мира и всего происходящего в нем». Они передают специфику национального фольклора, содержательно-понятийную суть явлений, понятий, предметов кочевого быта, исторического

прошлого, мировоззренческих стереотипов носителей калмыцкой сказочной традиции, в том числе сказителя М. Буринова.

Выявленные и исследованные «этнопоэтические константы» позволили определить общность различных вариантов формул, мотивов, сюжетов калмыцких «обрамленных» сказок цикла «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» и подтвердить их оригинальность.

Исследовано текстовое воплощение сюжетных типологий сказок «Аю Чикте и мудрая Авха», «Царевичи Нарани Герель и Сарани Герель» в переводных текстах Б. Я. Владимирцова, Б. Юльга, Р. Баск. При переводе сказок на европейские языки авторам удалось передать основной смысл, особенности главных героев и их поступков. Вместе с тем следует отметить, что в переводных текстах не получили полного и выразительного текстового воплощения отдельные формулы, устойчивые выражения и слова, передающие образность языка калмыцкой (ойратской) сказки, особенности художественного мышления калмыков, специфику их кочевого быта, мировосприятие и неистощимую фантазию номадов. В отдельных случаях этнографическая лексика, отражающая кочевой образ жизни калмыков, в переводах дается в описательной форме. Образцом точной передачи устойчивых выражений и специфической лексики ойратского (калмыцкого) языка на другие языки является перевод Б. Я. Владимирцова.

В заключении излагаются выводы, сделанные на основе проведенного исследования.

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах, утвержденных ВАК:

1. Концепт «торма» в оригинальном и переводном текстах сказок Сидди Кюр // MONGOLICA-XII: Сб. науч. ст. по монголоведению, посвящ. 130-летию со дня рождения Б. Я. Владимирцова (1884–1931). – СПб. Ин-т восточных рукописей РАН, 2014. – С. 71–74.
2. Мотив соблюдения и нарушения буддийских заповедей в сказке «Царевичи Нарани Герель и Сарани Герель» и его интерпретация в иноязычном тексте //

Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2016. – № 5. – С. 225–233.

3. Полевые исследования на территории Республика Калмыкия: особенности экспедиционного материала по калмыцкому фольклору (2012 – 2015 гг.) // Вестник Калм. гос. ун-та. – 2016. – № 3 (31). – С. 52–61.

4. Традиция «обрамления» в калмыцком сказочном фольклоре // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. Филология и искусствоведение. – 2018. – № 3 (222). – С. 198–205.

5. Изображение физической расправы героя с противником в калмыцких сказках «Седклин арвн хойр бөлг» / «Запомнившиеся двенадцать глав» М. Буринова // *Studia Litterarum*. – 2019. – Т. 4. – № 3. – С. 352–369.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

6. Имя собственное в переводной ойратско-калмыцкой сказке // Сборник трудов молодых ученых, аспирантов и студентов Калмыцкого государственного университета / Редкол. В. О. Имеев [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2011. – С. 112–113.

7. Особенности передачи имен собственных в переводной сказке (на материале европейских переводов «Сидди кюр») // Рег. науч. конф. «Научное наследие профессора А. Ш. Кичикова и актуальные проблемы современной калмыцкой филологии и культуры» (21 декабря 2011 г.), [посв. 90-летию со дня рождения проф. А. Ш. Кичикова: Матер] / Редкол. Е. Э. Хабунова [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. – С. 151–153.

8. Имя собственное в ойратско-калмыцкой сказке и ее переводах (на материале сборника «Сидди-кюр») // Сборник матер. I Респ. фестиваля науки / Редкол. Б. К. Салаев [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. – С. 85–86.

9. Буддийская реалия «торма» в оригинальном и переводном текстах сказок «Сиддикюр» // Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве. Материалы III Междунар. науч. конф. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. – С. 313–317.

10. Инициальные формулы в сказках монголо-ойратского сборника "Седклин кюр": к проблеме выявления и систематизации константных единиц // Кросс-

культурное пространство литературной и массовой коммуникации-5. Матер. Междунар. науч. конф. (Майкоп, 21–22 октября 2016 г.). – Майкоп, 2016. – С. 192–198.

11. Поэтическая константа «Чудесное рождение» в богатырских сказках цикла «Седклин кюр» // Сетевое востоковедение: образование, наука, культура. (7–10 декабря 2017 г. Элиста): Материалы / Редкол. Б.К. Салаев [и др.]. – Элиста: Изд-во калм. ун-та, 2017. – С. 304–309.

12. Пролог как важный элемент рамочной композиции сказок цикла «Седклин кюр» // Матер. Рег. музейной науч-практ. конф. «Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык – культура – образование – музей (теоретические и прикладные проблемы)». – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018. – С. 110–113.

13. Роль «опорного слова» в формировании поэтических формул и мотивов в волшебных сказках цикла «Седклин кюр» («Волшебный мертвец») // II Междунар. науч. конф. «Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия». – Элиста, 2018. – С. 363–365.

14. Мотив имянаречения в сказках монголо-ойратского сборника «Седклин кюр» («Задумчивый разговор»). Свидетельство о депонировании РАО. № 25787. Москва, 2018.

15. Сказитель Муутл Буринов как хранитель традиции «обрамления» в калмыцком сказочном фольклоре // Всерос. науч-практ. конф. с междунар. участием «Героический эпос и сказительское искусство народов Евразии: сохранение, изучение и популяризация. – Горно-Алтайск, 2019. – С. 181–185.

16. Передача национального колорита сказок «Сидди Кюр» в русском, английском и немецком переводных произведениях. Свидетельство о депонировании файла НРИС № 045-052-591 от 01.03.2019.

17. Buddhist roots of Kalmyk framed tales // International Conference «Mongolian Buddhist: Tradition and Innovation». – Budapest, 2019.